

Развитие политических концепций Акселя Оксеншерны на завершающем этапе шведского периода Тридцатилетней войны

Алексей Ходин

Смоленский государственный университет

alex.hodin@mail.ru

Формирование основных составляющих компонентов шведской политики периода Великодержавия во многом зависело от взаимообусловленности ряда внутренних и внешних социально – политических, дипломатических и военных аспектов, что в значительной степени проецировалось на значимости личностно – психологического фактора в истории. В отечественной исторической литературе проблеме развития Шведского королевства завершающего этапа шведского периода Тридцатилетней войны (1632 – 1635), с момента гибели короля Густава II Адольфа (1611-1632) под Лютценом уделялось довольно немного внимания, в особенности, что касается прослеживания основных тенденций внутривнутриполитической жизни Швеции середины XVII века, но, наряду с этим также и изучению важнейших вопросов участия королевства в глобальной внешнеполитической игре, прежде всего, в условиях Тридцатилетней войны.

После гибели Густава II Адольфа по Лютценом в 1632 году перед Шведским королевством встал серьезный вопрос выбора достойного преемника королю, как с точки зрения формального наследования престола, так и в отношении действенного руководства внешнеполитическими делами Стокгольма, от которых на данный момент зависела роль Швеции не только касательно положения в Балтийском регионе, но и в европейской политике в целом. Единственным наиболее видным представителем, в руках которого могла сосредоточиться реальная власть в ведущих вопросах внешней и внутренней политики королевства являлся риксканцлер Аксель Оксеншерна. Такая ситуация объяснялась не только его усилившемся авторитетом за время правления Густава Адольфа. А. Оксеншерна воспринимался отчасти в качестве прямого продолжателя мероприятий погибшего короля, к тому же, являясь представителем и, в некоторой степени, лидером шведского дворянства фигура риксканцлера более других оказалась пригодной для недопущения повторения нового конфликта между короной и дворянским сословием. Кроме того власть А.Оксеншерны нельзя было полностью ассоциировать в абсолютном значении, учитывая при этом весомость уже утвердившейся социально-политической структуры Швеции, основы которой были заложены в совместных усилиях риксканцлера и Густава Адольфа. К 1632 году положение дел в стране было таковым, что единственная, рожденная в законном браке, дочь Густава Адольфа Кристина была в возрасте шести лет, что подразумевало, согласно установленным законам, невозможность полноценного руководства государственными делами вплоть до достижения совершеннолетия. Перед Швецией опять открывалась перспектива прибегнуть к посредничеству временного правителя (riksförståndare), в чем была заинтересована часть сословий¹.

По замечанию шведского исследователя Хермана Линдквиста самой весомой фигурой данного характера явился бы сводный брат Густава Адольфа Карл Карлссон Гюлленхильм². Однако результаты мероприятий, как короля, так и А.Оксеншерны во многом способствовали неприемлемости подобного намерения. Согласно решению Государственного совета (riksråd), роль которого значительно усилилась, единственным правильным выходом из сложившейся спорной ситуации было установление регентства (fögmynningarregering) при малолетней Кристине с назначением Акселя Оксеншерны главой Регентского совета. Именно «риксрод стал органом «сращения» короля и знати»³, что во многом способствовало складыванию в данной ситуации относительной стабильности центральной власти в Швеции. Таким способом А. Оксеншерне удавалось нейтрализовать возможные претензии К.Гюлленхильма на усиление своей власти и вместе с тем представителей пфальцского рода. Однако смерть Густава Адольфа вполне могла стать поводом для проявления властных амбиций для вдовствующей королевы (änkedrottningen)

Марии Элеоноры, на счет усиление власти которой у риксканцлера также могли оставаться некоторые опасения.

Получив лидирующие позиции в системе регентства, А.Оксеншерна получил тем самым возможность в некотором роде усилить значимость высшего дворянства, одновременно не проявляя каких-либо серьезных посягательств на сложившуюся систему баланса короны и дворянского сословия. При чем, дворянство, по мнению риксканцлера, должно было проявлять активное участие в строительстве сильного шведского государства⁴. Регентский совет состоял из пяти представителей (riksämbetsmännen), в категорию которых входили: - «государственный наместник» (riksdrotsen), одновременно исполняющий функции главы Высшего суда Швеции, главнокомандующий армией (riksmarsken), командующий флотом и риксканцлер. Заметим, что одним из важнейших для функционирования экономики рычагов являлись функции главы налогового ведомства королевства (riksskattmästaren). Но основная часть полномочий в данной области в реальности осуществлялась графом пфальцским Юханом Казимиром⁵. Согласно выработываемой программе дальнейшего внутривполитического развития в ближайшие планы Стокгольма входило скорейшее урегулирование некоторых вопросов экономического характера, значимость которых в очередной раз подкреплялась необходимостью продолжать военную политику в Империи. Помимо улучшения внутренних коммуникативных аспектов, А.Оксеншерна счел нужным сосредоточить особое внимание на совершенствовании развития налоговой сферы и торгового направления, что, хотя и в малой степени, могло все же привнести некоторую долю дополнительных денежных ресурсов, важность которых находила отклик в переговорах с французскими и московскими потенциальными союзниками.

Стоит заметить, что именно с 1632 года еще с большей яркостью проявляется дипломатический и организаторский талант многих виднейших деятелей шведского Великодержавия. В данном контексте нельзя не обратить внимание на одну из представительнейших фигур своей эпохи в лице Юхана Щютте, являющегося, помимо прочего, одним из претендентов на занятие поста риксканцлера, в чем он находил ощутимую поддержку в первую очередь со стороны Карла Гюлленхильма. Тем не менее, несмотря на недворянское происхождение и, опираясь на опыт политического руководства при жизни Густава Адольфа, Ю.Щютте удалось достигнуть довольно ощутимых высот на государственной службе и добиться назначения на должность генерал-губернатора (generalguvernör) ряда балтийских провинций Швеции. Позиции Карла Гюлленхильма остались практически неизменными, так как он, как и прежде продолжал занимать пост главы армейских подразделений королевства. Весьма занимательным, кроме прочего, представляется также факт сосредоточения значительной массы государственных должностей в руках представителей рода Оксеншерна. Помимо самого риксканцлера, наиболее типичным примером стал назначенный на должность государственного сановника (drots) брат Акселя Оксеншерны Габриэль Густавссон Оксеншерна. Это объяснялось отчасти необходимостью распыления сил в первую очередь для самого риксканцлера, вынужденного, помимо всего, быть задействованным в решении насущных проблем, связанных с ходом Тридцатилетней войны, в то время, как многие преобразования Густава Адольфа требовали более детального закрепления на фоне внутривполитической ситуации в Швеции. В таком положении в наиболее позитивном представлялось, по мнению риксканцлера, именно опора на круг доверенных лиц, к которым, помимо родственников, относились также и некоторые ближайшие соратники погибшего короля. Заметим, однако, что за годы регентства для А.Оксеншерны на первый план выдвигалось стремление служить государству и поддержание стабильности во многих социально-политических вопросах, нежели желание завладеть королевским тронном лично, как это было типично для психологии некоторых российских правителей того времени. Хотя уже после гибели Густава Адольфа весьма популярно было предположение о возможности заключения брака между старшим сыном риксканцлера и королевой Кристиной, что в некотором роде могло соответствовать реальности, в особенности, если учитывать наличие родства А. Оксеншерны с родом Ваза. К тому же одним из самых важных отличий полномочий А.Оксеншерны от часто

сравниваемых с ним Ришелье во Франции и Оливареса в Испании стала возможность шведского риксканцлера к обладанию более ёмкими возможностями в регулировании внутригосударственными учреждениями Швеции на данный период⁶, что надо признать, имеет все же ряд спорных моментов, связанных в первую очередь с оценкой сугубо харизматических качеств политика.

Еще одним весомым мероприятием, проведенным в первые годы регентства в условиях не совсем благоприятной ситуации во внешнеполитическом аспекте стало принятие «формы правления», означавшей, по сути, формальную регламентацию абсолютной монархии в Швеции⁷, причем в документе наличествовало довольно немного информации о работе риксдага, что было, в определенной мере, выгодно А.Оксеншерне. Тем самым Шведское королевство фактически оказалось обладателем аристократической конституцией, во многом предопределившей дальнейшее развитие государственности в регионе.

После лютценских событий 1632 года Швеция утратила не только былое лидерство в военном аспекте, но также и единство в дипломатических действиях с потенциальными союзниками. Общеевропейское равновесие сил снова было смещено. Но в данной политической игре говорить о поворотном пункте в Тридцатилетней войне вряд ли было бы уместно⁸. Ведь шведское продвижение вглубь имперских владений оставалось по-прежнему достаточно динамичным: наступления Густава Адольфа в значительной степени сумело подорвать испанские позиции в нижнем Пфальце. Кроме этого потеря Эльзаса подточила и без того затруднительное положение фландрской армии.

В конце 1632 года наблюдаются явные реваншистские стремления со стороны Копенгагена. Дипломатия Кристиана IV, как свидетельствует его переписка, была большей частью сконцентрирована на попытках воспользоваться сложившейся ситуацией и склонить представителей имперского лагеря к лояльности относительно закрепления за Данией некоторых шведских владений на Балтике. В одном из писем Альбрехту Валленштейну, датируемому декабрем 1632 года, Кристиан IV выражает явную заинтересованность оказаться в роли продолжателя дела шведского короля, мотивируя это своим посредническим участием в расстановке сил между императором и Густавом Адольфом. Валленштейну предлагалось оказать помощь Датскому королевству в обмен на последующие выгоды со стороны Копенгагена⁹. Подобные послания были также адресованы и Фердинанду II, где выражалось желание датской стороны к заключению долгожданного мира (*der ersehnte Friede*), император же должен был лишь выдвинуть компромиссные условия, которые, по-видимому, должны были включать предоставление Кристиану IV полномочий для дальнейшего расширения своего влияния в северогерманских землях¹⁰. Однако, учитывая тогдашнюю политическую ситуацию, следует отметить, что вряд ли в планы Кристиана IV входило намерение занять место Густава Адольфа в качестве лидера протестантов. Противоречия строились не только за неимением Данией равного Швеции политического веса в Империи, выраженного как в силовом, так и в идеологическом контекстах. Важным является также тот момент, что еще при жизни Густава Адольфа в шведском лагере начался постепенный переход от лозунгов протестантской солидарности, свойственной для эпохи конфессионализации, к откровенно завоевательским планам. В этих условиях главное, чего добивался Кристиан – попытка ослабления Швеции на Балтике, препятствуя тем самым созданию своеобразного «плацдарма» для Стокгольма на южных границах с Данией. Одновременно и со стороны Акселя Оксеншерны не переставали поступать сообщения в адрес датского монарха с предложениями о сотрудничестве и всеобщем мире с Копенгагеном (*almen och säker fred*).¹¹

Центральной проблемой для внешней политики А.Оксеншерны оставалось реабилитация шведского влияния после гибели Густава Адольфа. Насколько это было важно, прослеживалось в поведении некоторых князей, деятельность которых постепенно выходила за пределы контроля Стокгольма¹². Фигура А.Оксеншерны в этом отношении была также достаточно яркой, что проявлялось не только в политическом профессионализме главного регента королевства, но, вместе с тем, с пониманием им многих психологических элементов социальной структуры Старой империи. Учась в университетах Росток, Вюртемберга,

Йены, А.Оксеншерне удалось не только достигнуть колоссальных успехов в области юриспруденции и теологии, но и усвоить ряд поведенческих стереотипов местного населения, что стало важным моментом в дипломатических переговорах с представителями городов и имперскими князьями¹³.

Кроме этого, явным успехом для шведской стороны явилось продление перемирия с Польшей, связавшее руки польской агрессивной политике в отношении подконтрольного Стокгольму балтийского побережья. К тому же сам факт постоянного присутствия А.Оксеншерны в районе боевых действий со всей очевидностью показывало приоритеты политических действий на данный период.

В работах немецкого историка Ф.Пресса прослеживается явное внимание к некоторой двойственности понимания вопросов стратегического характера¹⁴. Прежде всего, Швеции было необходимо завладеть инициативой в Пруссии, ограничив тем самым возросшее польское влияние, поддерживаемое проимперской стороной. Подготовительной стадией для этого должна была выступить конфедерация дружественных Швеции князей, которая могла бы стать своеобразным буфером от агрессии войск императора и Католической Лиги. Однако постепенно становилось очевидным то обстоятельство, что лояльные к шведскому влиянию представители Империи не могли долгое время оставаться равнодушными к неудачам политики Регентского совета.

Второй важной частью мероприятий А.Оксеншерны во внешней политике стали попытки утвердиться в Майнце в качестве курфюрста. Для укрепления подобных намерений в устье Майна был создан плацдарм в виде крепости (Густавсбург), с возможным размещением гарнизона в 17 000 человек. По сути, наличие Густавсбурга способствовало не только закреплению протестантской религии в данном регионе, но и служило также основой для предотвращения возможной опасности со стороны Тилли. Возведение данного опорного пункта было обеспечено во многом за счет шведской дотационной политики, принесшей многим протестантским союзникам королевства значительные по размерам католические территории¹⁴. По первоначальным замыслам стокгольмских представителей планировалось создать некое подобие опорного пункта Швеции с последующей реализацией каких-либо внешнеполитических устремлений. В этом же контексте не последнюю роль играло и желание Швеции получить влияние на ход внутриимперских дел посредством потенциального участника политической системы Старой империи на легитимных началах. Причем некоторые протестантские князья Империи не стремились к проявлению особых возражений по этому поводу. Однако в самой Швеции неоднократно возникали подозрения о желании А.Оксеншерны использовать возможное достижение майнцского курфюршеского титула больше в личных целях, нежели для блага королевства. Надо отметить, что данный вопрос неоднократно оказывался предметом дискуссий в Государственном совете Швеции, где, отнюдь, не было выявлено единогласное согласие в пользу планов риксканцлера, для осуществления которых необходимо было должным образом скоординировать согласованность военно-стратегическое сотрудничество шведских командующих Бернгарда Веймарского и Густава Горна, что, исходя из писем, не всегда позволяло быть реальностью¹⁶. В общем же относительная лояльность протестантских князей к усилению последователей Густава Адольфа в Старой империи можно объяснить скорее с позиции их неудовлетворенностью реституционной политикой Фердинанда II, нежели успехом шведского оружия. А принятие дотаций в виде земельных владений означало усугубление дистанции между императором и католическими субъектами, с одной стороны, и протестантскими представителями, с другой.

Первым серьезным шагом А.Оксеншерны во внешней политике стала инициатива созыва союзнической конференции в Гейльбронне. Начальные шаги к созданию подобной организации были сделаны еще Густавом Адольфом в Ульме. По сути будущий союз должен был взять на себя значительные расходы по содержанию шведской и союзных армий в Империи. Однако уже изначально общие цели Гейльброннской Лиги, оформившейся в апреле 1633 года, не находили должного понимания со стороны всех ее участников. Согласно суждениям шведского риксканцлера союз имел первой своей задачей установление свобод немецких князей, восстановление всеобщего мира под протекторатом

Швеции под пристальным руководством самого Акселя Оксеншерны. В какой-то степени создавалась некоторая альтернатива уже действующей имперской конституции. По всей вероятности, шведский риксканцлер мог прекрасно осознавать всю недолговечность такого образования, на то у него и был определенный расчет. Существование Гельброннской Лиги явилось для А.Оксеншерны прежде всего своеобразным составляющим в будущих дипломатических переговорах («Spielmaterial für künftige Verhandlungen»)¹⁷. Дальнейшие расхождения мнений участников с особой остротой проявились в центральной проблеме, связанной с военным финансированием. Как показала практика, несмотря на наличие союзников, основное бремя денежных поступлений в общий фонд приходилось на долю Швеции, доходы которой в 10 раз были ниже, чем того требовала сложившаяся ситуация. Выделяемые субсидии могли составить лишь временную незначительную помощь, реальное значение которой для шведских войск находит отражение в трудах известного шведского историка Свена Лундквиста¹⁸. Ухудшение положения привело к резкому падению дисциплины среди некогда славного воинства «снежного короля». А.Оксеншерне уже не оставалось ничего другого, кроме как предоставить местным командующим право на реквизицию, что ухудшило не только управлениями подданными, но и затрудняло сглаживание разногласий среди участников союза. Причем, уже после гибели Густава Адольфа действия шведов в германских землях по отношению к князьям и сословиям Империи, напоминали политику не союзников, а скорее завоевателей, пугая князей и горожан перспективой нарушения имперской конституции.

К концу 1633 года еще более отчетливо заметен тот факт, что существование Гейльброннского союза, несмотря на то, что он являлся весьма весомой политической силой на данный период, постепенно подтачивалось безвыходностью финансового вопроса. Кроме всего, наличие организации, имело для императора даже некоторое компромиссное понимание: Гейльброннская Лига, хотя и соответствовала интересам иностранного государства, однако, по мнению самого Фердинанда, она не имела практически никаких шансов радикально перестроить ситуацию в пользу Швеции. Причиной чему во многом стала система конфискаций под эгидой шведской армии и усилившаяся «дотационная» политика Стокгольма, напоминавшая отчасти цели реституционного эдикта, но только лишь в несколько противоположном контексте. Аксель Оксеншерна в свою очередь продолжал привлечение новых представителей в поддержание стойкости протестантского единства. Его послания данного периода характеризовались, главным образом, описанием политического положения в Германии с вытекающими из этого необходимостью евангелистического объединения городов и чинов Империи¹⁹.

Политические перипетии, развернувшиеся на фоне смещения равновесия сил в Тридцатилетней войне в ранний период, были неразрывно связаны с усугублением шведско-бранденбургских отношений. Спор, возникший по вопросу наследования померанских владений, стал своеобразной отправной точкой в противостоянии между союзниками. Интерес вызывает то обстоятельство, что нерешительность Георга Вильгельма по отношению к шведской поддержке стала подстрекательным элементом для Саксонского курфюршества, но тогдашняя позиция Иоганна Георга по-прежнему оставалась неизменной в виду, прежде всего, несоответствия реальности мировых устремлений императора. К тому же в планы Дрездена входило усиление влияния в богемских землях, для чего помощь Швеции была весьма кстати. Шведско-саксонское сотрудничество стало возможным лишь на взаимовыгодных условиях. Деятельность Валленштейна в данной ситуации была сконцентрирована в направлении усиления напряжения между участниками Гейльброннской Лиги, где отношениям Швеции с Дрезденом уделялось первостепенное значение. К успеху Валленштейна можно отнести заключение сепаратного перемирия с генералом Гансом Георгом фон Арнимом в Силезии. Кроме всего, имперскому главнокомандующему удалось принудить к капитуляции шведский контингент под началом графа Генриха Турна. Все это практически свело на «нет» намеченное А.Оксеншерной масштабное вторжение в силезские земли, что открыло для Валленштейна дополнительные возможности к началу успешных переговоров с Саксонией и Бранденбургом о создании противостояния гегемонии Стокгольма на севере Германии. Кроме того, исходя из имперских инструкций, Валленштейн

должен был обратить пристальное внимание на безопасность Баварии, прежде всего, относительно Густава Горна²⁰, чему, в отличие от защиты богемских земель, уделялось достаточно мало внимания²¹. Помимо всего для А.Оксеншерны по-прежнему было ощутимо важно усилить и без того явные разногласия между императором и Валленштейном. Причем, судя по предпринятым политическим шагам, шведская сторона прекрасно осознавала недопустимость безукоризненного доверия предложениям герцога Фридрихского, отчасти из-за лавирующей позиции последнего. Оценивая сложившуюся обстановку, А.Оксеншерна полагал, что единственным совместно с Валленштейном шагом, в котором стокгольмские представители были относительно уверены, было стремление поддерживать нейтралитет. Для Швеции это могло означать не только шанс выиграть время для укрепления дипломатических позиций, но, с другой стороны, у риксканцлера появлялась дополнительная возможность в случае необходимости подчеркнуть наметившиеся противоречия Валленштейна с Венским двором, принимая во внимание также доказательства переговоров Валленштейна с представителями шведского генералитета.

Существующее положение дел, включая недовольство императора присягой, принесенной Валленштейну его офицерами, привело в итоге к устранению главнокомандующего в его собственном замке в Эгере. К тому периоду Швеция по-прежнему контролировала значительные территории на юге Германии. По замыслу А.Оксеншерны необходимо было заручиться дополнительной поддержкой Саксонии, Бранденбурга и других северогерманских территорий. Но со стороны бранденбургского курфюрста Георга Вильгельма поступило беспрецедентное для Стокгольма предложение о передаче Померании под управление Берлина. Вдобавок ко всему Георг Вильгельм незамедлил начать сепаратные переговоры и с Габсбургами. Ход событий привел к тому, что летом 1634 года императорские войска начали осаду Нёрдлингена, в стенах которого находился шведский гарнизон. Для генерала Горна и Бернгарда Веймарского произведение дислокации Нёрдлингена стало вопросом престижа шведского влияния в Империи. Однако, используя численное превосходство сил и более выгодную боевую позицию, солдаты герцога Фердинанда сумели нанести шведам сокрушительное поражение у стен осажденного города. Ситуацию усугубило также пленение Густава Горна. Герцог Веймарский, на которого, согласно официальной шведской пропаганде и была возложена основная доля вины за неудавшиеся операции, несмотря на тот факт, что реальные полномочия главнокомандующего были все же сосредоточены в руках Густава Горна, прихватив остатки своих войск, просто вынужден был отступить в Эльзас, что заставило остальные шведские армии занять новые позиции, но уже за Майном. Данное поражение означало, ко всему, резкое уменьшение возможностей риксканцлера к получению курфюршеского титула и в некотором роде способствовала разладу общего протестантского единства под эгидой Стокгольма. Саксонское курфюршество в очередной раз показало свою ненадежность шведской поддержке, что, учитывая политическую целесообразность, было для него достаточно оправдано. Окончательной точкой в наметившемся разладе шведско-саксонских отношений стало подписание Пражского мира 1635 года, условия которого, несмотря на относительную выгоду для императора, целью которого для Габсбургов было объединение германских княжеств, а затем и вытеснение иностранных войск из Империи, фактически не произвели какого-либо поворотного пункта в изменении главенствующих позиций Швеции в качестве лидера защиты протестантизма в землях Империи.

Таким образом, военно-дипломатическое развитие шведской политической линии в первые годы после гибели Густава Адольфа внесло некоторый дисбаланс в преобладающее положение влияния Стокгольма в Империи. Однако вести речь о каком-либо радикальном повороте событий в пользу Венского двора вряд ли представлялось возможным. Мероприятия А.Оксеншерны, сконцентрированные на внутришведском пространстве, связанные с совершенствованием обустройства организационно-управленческого аспекта в который раз способствовали консолидации внутренних ресурсов королевства в деле утверждения начинаний Густава Адольфа в области внешнеполитических устремлений. Помимо этого, заметим, что временное ослабление Шведского королевства в имперских землях способствовало стремлению некоторых протестантских князей к определенной

самостоятельности по отношению к императору, что подкреплялось также антишведской позицией Копенгагена. Все эти факторы так или иначе были дополнены предкризисными явлениями в некогда стойкой в вопросах дисциплины армии «снежного короля», процент наемников в которой был уже достаточно высок. Сложность финансового вопроса стала еще более заметна, в том числе на фоне постепенного отхода шведской военной идеологии от лозунгов протестантского единства и все более яркого проявления прагматических настроений. В действительности же, становился очевидным тот факт, что для успешного противостояния габсбургскому влиянию в Европе Швеции было необходимо наличие новой силы, способной, прежде всего в связи с наметившимся истощением социальных и материальных ресурсов королевства, воспользоваться более ранними военно-политическими успехами Густава Адольфа для продолжения противостояния влиянию императора в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Lindqvist H. När Sverige blev stormakt. // Historien om Sverige., Sthlm. 1996.S.326.

²Ibid., S.326.

³Сванидзе А.А. Король Густав II Адольф, реформатор и полководец, на фоне Швеции и династии Ваза. Человек XVII столетия. / Под ред. А.А.Сванидзе, В.А.Ведюшкина Ч.1. М., 2005. С.33.

⁴Глете Я. Аксель Оксеншерна. // Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002. С.108.

⁵Lindqvist H. Op.cit. S.327.

⁶Ibid., S.333.

⁷Сванидзе А.А. Указ.соч. С. 33.

⁸Steinmetz M. Deutschland von 1476 bis 1648. Berlin, 1978. S.358.

⁹Christian IV. an Wallenstein. 1632 Dezember 11. Kopenhagen. Documenta Bohemica Bellum Tricennale illustrantia Tomus V. Der schwedische Krieg und Wallensteins Ende. Quellen zur Geschichte der Kriegsereignisse der Jahre 1630-1635. Praha, 1977. S.111.

¹⁰Christian IV. an den Kaiser. 1632 Dezember 11. Kopenhagen. Documenta Bohemica Bellum... S.111-112.

¹¹ Till konung Christian IV av Danmark. Magdeburg d.5 mars 1634. Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevväxling. Utgivna av kong. vitterhets historie och antikvitetsakademien. Förra avdelningen. Elfte bandet/I. Brev 1634 jan.. – mars. Sthlm., 1961. S. 374-375.

¹²Press V. Kriege und Krisen. Deutschland 1600 – 1715. München, 1991. S.222.

¹³Ibid., S.222.

¹⁴Ibid., S.223.

¹⁵Ibid., S.223.

¹⁶Bernhard von Weimar an G. Horn. Nürnberg, 19. (29.) März 1633. Briefe und Akten zur Geschichte Wallenstein (1630-1634) Hrgb. Von Hermann Hallwich. IV Band. Wien, 1912. S.69; Bernhard von Weimar an G. Horn. Schwabach. 20. (30.) März 1633. Op.cit. S.69-70; Horn an Bernhard von Weimar 18.(28.) März 1633. Op.cit. S. 68-69.

¹⁷Press V. Op. cit. S.224.

¹⁸Lundkvist S. Die schwedische Friedenskonzeptionen und Ihre Umsetzung in Osnabrück. //Der Westfälische Friede. Diplomatie politische Zäsur kulturelles Umfeld Rezeptionsgeschichte. Hrsg. Von H.Duchhardt. und die europäischen Mächte. München, 1998.

¹⁹Axel Oxenstierna an den Grafenstand des Kreises Schwaben. 1634 Feber 22 (12), Halberstadt. Documenta Bohemica Bellum... S.242-243.

²⁰Ferdinand II. an Wallenstein. 1634 Feber 13. Wien. Documenta Bohemica Bellum..S.236-237.

²¹Ibid., S.226-237.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Briefe und Akten zur Geschichte Wallensteins (1630-1634). Hrsg. von Hermann Hallwich. IV Band. Wien, 1912.
2. Documenta Bohemica Bellum Tricennale illustrantia Tomus V. Der schwedische Krieg und Wallensteins Ende. Quellen zur Geschichte der Kriegsereignisse der Jahre 1630-1635. Praha, 1977.
3. Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevväxling. Utgivna av kong. vitterhets historie och antikvitetsakademien. Förra avdelningen. Elfte bandet/I. Brev 1634 jan.. – mars. Sthlm., 1961.

4. История Европы Т.3.: От Средневековья к Новому времени (конец XV-первая половина XVIIв.) /Отв. Ред. Л.Т.Мильская, В.И.Рутенбург. М., 1993.
5. История Швеции /Отв. Ред. А.С.Кан М., 1974.
6. Кан А.С. История Скандинавских стран (Дания, Швеция, Норвегия) М.,1971.
7. Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002.
8. Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.,1976.
9. Поршнева Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.
10. Сванидзе А.А. Король Густав II Адольф, реформатор и полководец, на фоне Швеции и династии Ваза. Человек XVII столетия. / Под ред. А.А.Сванидзе, В.А.Ведюшкина Ч.1. М., 2005.
11. Ahnlund N. Gustav Adolf. Berlin, 1938.
12. Lindqvist H. När Sverige blev stormakt. // Historien om Sverige. Sthlm., 1996.
13. Lundkvist S. Die schwedische Friedenskonzeptionen und Ihre Umsetzung in Osnabrück. //Der Westfälische Friede. Diplomatie politische Zäsur kulturelles Umfeld Rezeptionsgeschichte. Hrsg. Von H.Duchhardt. und die europäischen Mächte. München, 1998.
14. Oredsson S. Gustav Adolf, Sverige och Trettioåriga kriget. Historieskrivning och kult. Lund, 1993.
15. Press V. Kriege und Krisen. Deutschland 1600-1715. München, 1991.
16. Roberts M. The Swedish Imperial Experience. 1560-1718. Cambridge, 1979.
17. Steinmetz M. Deutschland von 1476 bis 1648. Berlin, 1978.